

Гродненскія Епархіальныя Вѣдомости.

Выходятъ по воскресеньямъ.

Адресъ Редакціи:
Купеческая ул., Соборный домъ.
Годовая цѣна 5 рублей.

При напечатаніи объявленій, за каждую строку или мѣсто строки, взимается: за одинъ разъ 10 к. за два—15 к. за три—20 к.

Годъ V-й. 24-го апрѣля 1905 года. № 16—17.

ИЗВѢЩЕНІЕ.

1 мая вечеромъ Преосвященный Никаноръ имѣетъ служить Всенощную въ древнѣйшемъ Борисо-Глѣбскомъ храмѣ на Коложѣ, а 2-го—Литургію въ Борисо-Глѣбскомъ монастырѣ.

ОТДѢЛЪ I ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Указъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Сѵнодъ имѣли сужденіе объ устраненіи допускаемыхъ духовенствомъ неисправностей при веденіи метрическихъ книгъ. Приказали: Метрическія свидѣтельства и записи, по существу своему, имѣютъ весьма важное значеніе, какъ документы, свидѣтельствующіе, на ряду съ другими, о правахъ гражданскаго состоянія, почему онѣ и бываютъ необходимы для каждаго отдѣльнаго лица, въ разнообразныхъ условіяхъ его личнаго, семейнаго и общественнаго быта; всякая неточность и погрѣшность въ выдаваемыхъ церковными причтами метрическихъ свидѣтельствахъ, выписяхъ и справкахъ сопровождаются, въ практическомъ отношеніи, разными неудобствами, затрудненіями, хлопотами и другими неблагопріятными послѣдствіями для лицъ, нуждающихся въ этихъ документахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ осложняютъ и дѣлопроизводство въ самихъ Консисторіяхъ, обремѣняя ихъ дѣлами, возникновеніе которыхъ, при правильномъ веденіи записей въ метрическихъ книгахъ, не могло бы имѣть мѣста. Въ виду столь важнаго значенія метрическихъ свидѣтельствъ и записей, Святѣйшій Сѵнодъ циркулярными указами отъ 4 марта 1886 года за № 2 и 23 декабря 1889 г. за № 15, предписалъ Епархіальнымъ Преосвященнымъ, дабы они обратили вниманіе подвѣдомственнаго имъ духовенства на исправное веденіе метрическихъ записей,—и, въ случаяхъ обнаруженія неисправности и небрежности со стороны церковныхъ причтовъ въ семъ отношеніи, неослабно подвергали виновныхъ наказаніямъ, опредѣленнымъ въ 192 и 193 ст. Уст. Дух. Конс. Однако же случаи неисправностей въ веденіи

церковными причтами метрическихъ книгъ не прекращаются и доселѣ въ разныхъ епархіяхъ, что видно изъ поступающихъ въ большомъ количествѣ на разрѣшеніе Консисторій и Святѣйшаго Сѵнода дѣлъ объ исправленіи въ метрическихъ книгахъ неправильныхъ записей и о внесеніи въ эти книги пропущенныхъ актовъ о рожденіяхъ, бракахъ и смерти. Все это указуетъ на необходимость установленія со стороны Епархіальныхъ Начальствъ особливо твердаго надзора за правильностью веденія метрическихъ книгъ подвѣдомственнымъ имъ духовенствомъ и примѣненія наиболѣе строгихъ мѣръ взысканія къ виновнымъ въ нерадѣніи о семъ членамъ церковнаго причта. По симъ основаніямъ и въ видахъ устраненія на будущее время безпорядочности при веденіи метрическихъ книгъ, Святѣйшій Сѵнодъ находитъ необходимымъ вновь указать приходскому духовенству на нижеслѣдующія правила, коими оно должно неуклонно и подъ опасеніемъ строгой отвѣтственности руководиться при составленіи метрическихъ записей, въ особенности о рожденіи и крещеніи: 1) Вѣрное и исправное содержаніе приходскихъ метрическихъ книгъ возлагается на общую и нераздѣльную отвѣтственность не только священниковъ, но и діаконовъ и причетниковъ (Т. IX Зак. о сост. ст. 870; 2) Родившіеся, бракосочетавшіеся и умершіе записываются въ метрики приходскимъ священникомъ или черезъ діаконовъ и причетниковъ, немедленно по исправленіи каждой требы, со всевозможною вѣрностью и исправностью, и только въ случаѣ отсутствія по какимъ-либо обстоятельствамъ приходскаго священника случающіеся въ сіе время браки, рожденія и крещенія младенцевъ и погребенія умершихъ записываются исправлявшимъ требу стороннимъ священникомъ (Т. IX Зак. о сост. ст. 864—867); 3) Всякія подчистки въ метрическихъ записяхъ строго воспрещаются и если бы случилась погрѣшность записавшаго, то погрѣшительно написанное надлежитъ оградить со всѣхъ сторонъ чертами и потомъ продолжать писать что должно (Т. IX Зак. о сост. ст. 866). По совершеніи требы и по внесеніи о семъ записи въ

метрическія книги, священнослужители, въ отвращеніе ошибокъ, тогда же приглашаютъ участвовавшихъ и присутствовавшихъ обозрѣть вѣрность показанія и засвидѣтельствовать о томъ на самыхъ метрикахъ (тамъ же ст. 872 и Уст. Дух. Конс. ст. 100); 4) Если бы причтамъ не представилось возможности предъявить къ засвидѣтельствованію метрическую запись лицамъ, ближайшимъ образомъ прикосновеннымъ къ событіямъ, по ихъ ли нежеланію, или по чему-либо другому, напримѣръ, по неграмотности, и если къ тому же встрѣчается сомнѣніе относительно вѣрности показанія званія или фамиліи и тому подобнаго, то въ такихъ случаяхъ причту надлежитъ навести возможныя справки по обыскнымъ книгамъ или по исповѣднымъ росписямъ и другимъ документамъ. Обращаясь засимъ особливо къ составленію метрическихъ записей о рожденіи и крещеніи, надлежитъ принять къ руководству: 1) опредѣленіе Святѣйшаго Сунода отъ 14 октября--8 ноября 1887 года, въ коемъ изъяснено, что церковные причты, записывая дѣтей, которыя рождены отъ матерей, состоящихъ въ законномъ бракѣ, незаконнорожденными, на основаніи словесныхъ заявленій или самой матери младенца, или родственниковъ и даже стороннихъ лицъ, поступаютъ неправильно, такъ какъ право оспаривать законность младенца, родившагося при существованіи таковаго брака, принадлежитъ только мужу его матери, и самый вопросъ о признаніи законности или незаконности рожденія подлежитъ исключительно рѣшенію судебныхъ учрежденій и до обязанностей причтовъ не относится. Изъ приведеннаго опредѣленія Святѣйшаго Сунода явствуетъ, что церковные причты, внося въ метрическія книги запись о рожденіи и крещеніи, не призваны вмѣстѣ съ тѣмъ входить въ сужденіе о томъ, законно или незаконно прижитъ крещаемый младенецъ, а должны—по имѣющимся въ ихъ распоряженіи даннымъ, учинить таковую запись лишь въ точное соотвѣтствіе съ установленною закономъ формою метрической записи о рожденіи и крещеніи. А согласно таковой формѣ крещаемые должны быть записываемы въ

метрическихъ книгахъ такъ: а) дѣти, рожденныя отъ матерей, состоящихъ въ бракѣ, хотя бы и незаконномъ, доколѣ онъ не признанъ подлежащимъ духовнымъ судомъ недѣйствительнымъ, а если и признанъ, то буде послѣ таковаго признанія прошло *менѣе* трехсотъ шести дней (ВЫСОЧАЙШЕЕ повелѣніе 3 іюня 1902 г.)—на имя сихъ послѣднихъ и ихъ мужей (Т. X, ч. I, ст. 119 и ВЫСОЧАЙШЕЕ повелѣніе 3 іюня 1902 г., ст. 131[1]); б) дѣти, рожденныя вдовою, или разведенною съ мужемъ, или той, бракъ коей признанъ недѣйствительнымъ,—на имя матери и ея умершаго или разведеннаго мужа, если со дня смерти мужа матери, или расторженія брака, или же признанія его недѣйствительнымъ до дня рожденія ребенка прошло *менѣе* трехсотъ шести дней (Т. X, ч. I, ст. 119); но, имѣя въ виду, что въ распоряженіи составляющихъ метрическую запись не всегда могутъ имѣться точныя и достовѣрныя свѣдѣнія о времени смерти мужа матери крещаемаго младенца или ея развода съ нимъ, непогрѣшительна въ такихъ случаяхъ запись крещаемаго и на имя только одной его матери, съ обозначеніемъ ея вдовою такого-то, или бракоразведенною съ такимъ-то, и притомъ отнюдь не должно быть допускаемо внесеніе въ запись слово «незаконнорожденный»; в) дѣти женщины, родившей вскорѣ послѣ смерти прежняго ея мужа или развода, но во время состоянія ея во второмъ (вообще новомъ) бракѣ,—на имя ея и настоящаго ея мужа, который, буде пожелаетъ, можетъ на основаніи 1348 ст. Т. XVI, ч. I, Уст. Гражд. Суд. оспаривать правильность такой записи; 2) при безвѣстномъ отсутствіи мужа или ссылки его въ Сибирь, если сіи обстоятельства надлежаще удостовѣрены, и если со времени ихъ прошло *болѣе* трехсотъ шести дней, допустима, согласно приложенной къ ст. 861 Т. IX формѣ метрической записи, запись дѣтей, рожденныхъ отъ матерей, состоящихъ въ бракѣ, только на имя матерей, безъ добавленія таковой записи словомъ «незаконнорожденный», и д) согласно новымъ ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнымъ 3 іюня 1902 г. правиламъ объ улучшеніи положенія незаконнорожден-

ныхъ дѣтей, всѣ дѣти: а) рожденныя незамужнею, б) происшедшія отъ прелюбодѣянія и в) рожденныя по смерти мужа матери, или по расторженіи брака разводомъ, или же послѣ признанія брака недѣйствительнымъ, когда со дня смерти мужа матери, или расторженія брака, или же признанія его недѣйствительнымъ, до дня рожденія прошло *болѣе* трехсотъ шести дней, именуются дѣтьми *внѣбрачными* (ВЫСОЧАЙШЕЕ повелѣніе ст. 132), а потому таковыя дѣти должны быть записываемы въ метрическія книги на имя ихъ матерей, безъ обозначенія таковыхъ дѣтей незаконнорожденными. При внесеніи въ метрическія книги записи событія о крещеніи подкидыша, родители коего не обнаружены, или вообще внѣбрачныхъ дѣтей, матери которыхъ по какимъ-либо причинамъ скрываютъ свое имя и званіе,—запись должна быть учиняема такъ: имя крещаемаго, а также время и мѣсто его рожденія, по скольку таковыя будутъ обнаружены оффиціальными данными, напримѣръ, удостовѣреніемъ родовспомогательнаго заведенія, если рожденіе ребенка произошло тамъ, свѣдѣніями отъ полиціи и тому подобными—или свидѣтельскими показаніямъ; въ графѣ же о родителяхъ слѣдуетъ написать „родители его неизвѣстны". О чемъ и дать знать Епархіальнымъ Преосвященнымъ циркулярными указами съ тѣмъ, чтобы по епархіямъ было распубликовано въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ. Мая 20 дня 1903 года.

Къ неуклонному исполненію духовенства епархіи.

„Въ виду того, что нѣкоторыя статьи записей въ метрическихъ книгахъ иногда остаются безъ подписей кого либо изъ членовъ причта или за смертію, или за переводомъ въ другой приходъ и даже въ другую епархію, Гродненская Духовная Консисторія, согласно постановленія своего отъ 6 апрѣля сего 1905 года, утвержденнаго резолюціей Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Никанора, Епископа Гродненскаго и Брестска-

го, отъ 7 апрѣля за № 1480, предлагаетъ о.о. благочиннымъ епархіи провѣрять метрическія книги церквей благочинія не менѣе двухъ разъ въ годъ (въ январѣ и іюлѣ) и каждый разъ вызывать къ себѣ для подписи книгъ тѣхъ членовъ причта, подписей коихъ въ книгахъ не окажется".

Протоколъ собранія священнослужителей г. Бѣлостока

1905 года апрѣля 4 дня, мы нижеподписавшіеся священнослужители г. Бѣлостока во исполненіе воли Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Никанора, Епископа Гродненскаго и Брестскаго, собрались для совмѣстнаго обсужденія мѣръ, кои необходимо принять въ настоящее тревожное время для усиленія и оживленія пастырской дѣятельности. Признавая, что и отдѣльныя лица и пресса выставляютъ неправду жизни, какъ причину всѣхъ волненій, а возбужденное состояніе на Руси объясняютъ проснувшимся стремленіемъ къ правдѣ жизни, присутствующіе находятъ необходимымъ прежде всего выяснить, и въ устномъ, и въ печатномъ словѣ, что осуществленіе этого похвальнаго стремленія къ правдѣ жизни возможно лишь чрезъ *исповѣданіе* Христова ученія, что *только при этомъ условіи* изчезнутъ и всѣ нестроенія и беззаконія, размножившіяся и усилившіяся вслѣдствіе невѣрія,—нежеланія на дѣлѣ слѣдовать ученію Христову, водвореніе же правды при помощи насилія, не только не улучшитъ жизни, но сѣетъ вражду, возбуждаетъ и порождаетъ звѣрства и ведетъ къ анархіи, а слѣдовательно къ окончательной гибели той правды, изъ-за водворенія которой начаты волненія. Кромѣ устной проповѣди и печатныхъ поученій въ дѣлѣ распространенія и укрѣпленія среди населенія правильнаго, истинно-христіанскаго взгляда на улучшеніе современной жизни пастырямъ церковнымъ въ настоящее время могутъ оказать существенную поддержку братства и попечительства. Послѣ обмѣна мнѣній по данному вопросу

нришли къ слѣдующему заключенію: *необходимо* 1) усилить проповѣданіе слова Божія, 2) въ противовѣсъ подпольнымъ брошюрамъ и прокламаціямъ распространять среди паствы непосредственно и чрезъ братства и попечительства краткія поученія и брошюры, излагающія православный взглядъ на возможное улучшеніе человѣческой жизни лишь при одномъ условіи—*исповѣданіи* Христова ученія (напр. Троицкіе и Почаевскіе листки и т. п. изданія), 3) оживить дѣятельность братствъ и попечительствъ болѣе частыми собраніями и бесѣдами объ улучшеніи жизни по ученію Христову, 4) немедленно открыть братства при тѣхъ церквахъ уѣздовъ, гдѣ таковыхъ нѣтъ, 5) почтительнѣйше просить Его Преосвященство отпечатать брошюрами—поученіе „Сухая бѣда“ и статьи—„Бѣдность и богатство“, „Несостоятельность ученія о коммунизмѣ и равенствѣ“, „Патріотизмъ и космополитизмъ“ и по отпечатаніи предложить духовенству пріобрѣтать эти брошюры для распространенія среди православныхъ епархіи. (Подлинный за подписями присутствовавшаго духовенства).

На семъ протоколѣ резолюція Его Преосвященства отъ 7 апрѣля за № 1505: „Отпечатать въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“.

Епархіальныя распоряженія и извѣщенія.

Резолюціями Его Преосвященства: отъ 28 марта за № 1337 псаломщикъ Тростяницкой церкви, Бѣльскаго уѣзда, Павелъ *Ѳеодоровичъ*, согласно прошенію **перемѣщенъ** на должность псаломщика къ церкви заштатнаго города Нарева, того же уѣзда.

— Отъ 13 апрѣля за № 1592 учитель пѣнія Тростяницкой церковно-учительской школы Бѣльскаго у., Иванъ *Ждановъ*, согласно прошенію **назначенъ** временно

и д. псаломщика Тростяницкой церкви, того же уѣзда, до 1 сентября сего года.

11 апрѣля скончался и. д. намѣстника Гродненскаго Борисо-Глѣбскаго монастыря іеремонахъ *Досиөей* на 65 году жизни.

Вакантныя мѣста.

Священниковъ: въ с. Засимовичахъ, Пружанск. уѣзда (8), с. Бездѣжѣ, Кобринскаго уѣзда 2-го священника (8), с. Стрѣльной, того же уѣзда (6), с. Хорошевичахъ, Волковыскаго у. (4), с. Одрыжинѣ Кобринскаго уѣзда (2), и с. Лясковичахъ, Кобринскаго уѣзда (1).

Псаломщиковъ: въ с. Ополѣ, Кобринскаго у. (5), с. Клепачахъ, Гродненскаго уѣзда (4) и м. Голынкѣ, Слонимскаго у. (2).

ОТДѢЛЪ II НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

ХРОНИКА.

— 9 апрѣля, наканунѣ праздника Входа Господня въ Іерусалимъ, Его Преосвященство совершилъ всенощное бдѣніе въ Каѳедральномъ соборѣ въ сослуженіи соборнаго духовенства.

— 10 апрѣля, въ самый праздникъ, божественная литургія была совершена Владыкою въ сослуженіи о. каѳедр. прот. Н. Диковскаго и священниковъ—о. П. Дедевича, о. О. Адамовича и о. К. Константиновича. Послѣ божественной литургіи состоялось освященіе св. иконъ, сооруженныхъ въ память 100-лѣтняго юбилея Гродненской губерніи, торжественно отпразднованнаго 1-го января 1902 года. Освящены иконы: св. Великомученицы Екатерины, св. Александра Невскаго и св. Николая Чудотворца въ кованыхъ серебряныхъ ризахъ. (1-я икона—въ память Великой Императрицы Екатерины II, присоединившей Гродненскую губернію къ Великой Россіи; 2-я—въ память Императора Александра I, Благословеннаго, учредившаго Гродненскую губернію и 3-я—въ память Императора и Самодержца Всероссійскаго Николая II, въ благополучное царствованіе котораго исполнилось и отпраздновано 100-лѣтіе губерніи); Св. Іоакима и Анны (въ день памяти Ихъ 9 сентября 1801 года состоялось Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи Гродненской губерніи, и въ память о первомъ Епископѣ самостоятельной Гродненской епархіи—Преосвященнѣйшемъ Іоакимѣ, Епископѣ Гродненскомъ и Брестскомъ); Св. Архистратига Божія Михаила и св. пр. Іосифа Обручника,—(небесныхъ покровителей величайшихъ дѣятелей въ Западной Рос-

сіи—графа Михаила Николаевича Муравьева—Виленскаго и Преосвященнаго Іосифа Сѣмашко, Митрополита Литовскаго и Виленскаго, твердо и нерушимо утвердившихъ знамя православія и русской гражданственности въ Западномъ Краѣ вообще—и въ Гродненской губерніи въ частности); Св. Тихона Задонскаго и св. Ѳеодосія Черниговскаго,—великихъ святителей, прославленныхъ Церковію въ минувшее 100-лѣтіе губерніи, и икона Жировицкой Божіей Матери—(одна изъ главныхъ святынь Гродненской губерніи и епархіи). Поученіе въ концѣ литургіи было произнесено священникомъ о. П. Дедевичемъ, а предъ освященіемъ иконъ и молебствіемъ—слово сказано Его Преосвященствомъ „о любви къ начальникамъ",—печатаемое ниже.

— 13 апрѣля, въ великую среду, Его Преосвященство совершилъ божественную литургію Преждеосвященныхъ Даровъ въ Крестовой церкви Архіерейскаго дома въ сослуженіи о. протоіерея А. Богословскаго и о. протоіерея І. Корчинскаго.

— 14 апрѣля, въ великій четвергъ, Его Преосвященство совершилъ божественную литургію въ Крестовой церкви Архіерейскаго дома въ сослуженіи о. протоіерея І. Корчинскаго и священниковъ: о. В. Левицкаго, о. К. Константиновича и о. Н. Гаварина. Поученіе произнесъ о. протоіерей А. Богословскій. По окончаніи божественной литургіи совершено было молебствіе св. Виленскимъ мучен. Антонію, Іоанну и Евстаѳію, во имя которыхъ освящена Крестовая церковь. Послѣ молебствія духовенство г. Гродны и нѣкоторые изъ представителей гражданскихъ и военныхъ учрежденій г. Гродны были приняты Владыкою въ Его покояхъ и принесли Ему поздравленія съ храмовымъ праздникомъ.

Въ тотъ же день Его Преосвященствомъ совершено было въ Каѳедральномъ соборѣ Послѣдованіе Страстей Господнихъ,—въ сослуженіи соборнаго духовенства.

— 15 апрѣля, въ великую пятницу, Его Преосвященство совершилъ въ Каѳедральномъ соборѣ вечерню и

выносъ Плащаницы,—въ сослуженіи соборнаго и прочаго градскаго духовенства. Поученіе произнесъ священникъ о. В. Левицкій.

— 16—17 апрѣля, въ первый день Св. Пасхи, Его Преосвященствомъ совершена была свѣтлая заутреня и божественная литургія въ Каѳедральномъ соборѣ, въ сослуженіи о. каѳедральнаго протоіерея Н. Диковскаго, о. протоіерея І. Корчинскаго и священниковъ: о. П. Дедевича, о. В. Левицкаго, о. О. Адамовича и о. К. Константиновича. Въ 11 час. утра градское духовенство приносило Владыкѣ поздравленіе съ праздникомъ въ покояхъ Архіерейскаго дома. Въ 2 часа дня въ залѣ Гродненскаго Благороднаго Собранія состоялось взаимное поздравленіе представителей всѣхъ учрежденій гор. Гродны во главѣ съ г. начальникомъ губерніи М. М. Осоргинымъ и г. начальникомъ гарнизона, генералъ-лейтенантомъ И. М. Поволоцкимъ. Въ собраніи присутствовалъ Его Преосвященство.

Въ тотъ же день, въ 5 час. вечера, Пасхальная вечерня совершена Его Преосвященствомъ въ Каѳедральномъ соборѣ въ сослуженіи всего соборнаго и прочаго градскаго духовенства.

— 18 апрѣля, во второй день Св. Пасхи, Его Преосвященство совершилъ божественную литургію въ церкви 171 пѣхотнаго Кобринскаго полка въ сослуженіи о. архимандрита Василія, о. протоіерея І. Корчинскаго и священника о. П. Лебедева.

— 19 апрѣля, въ третій день Св. Пасхи Его Преосвященство совершилъ божественную литургію въ Борисо-Глѣбскомъ монастырѣ въ сослуженіи братіи монастыря, о. протоіерея А. Богословскаго и свящ. о. Н. Гаварина.

О ЛЮБВИ КЪ НАЧАЛЬНИКАМЪ.

СЛОВО,

сказанное Преосвященнымъ Никаноромъ 10 апрѣля 1905 года при освященіи иконъ въ память 100-лѣтія Гродненскаго губернаторства.

Всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется (Рим. 13,1).

Священно торжествуя воспоминаніе о столѣтіи Гродненскаго губернаторства, считаю приличнымъ сказать о тѣхъ отношеніяхъ къ начальникамъ, которыя опредѣляются словомъ великой апостольской любви, о которой можно и должно говорить всегда и вѣковѣчно: всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется. Нѣсть бо власть, аще не отъ Бога... Противящійся власти противится Божію установленію... Начальникъ—Божій слуга, тебѣ на добро. Если же дѣлаешъ зло, бойся, ибо ненапрасно носитъ мечъ онъ отмститель дѣлающему злое... Надобно повиноваться не только изъ страха, но и по совѣсти (стихи 2—5).

Апостолъ учитъ, что властямъ должны быть покорны не по виду только, или внѣшнимъ образомъ, а по убѣжденію душевному, по совѣсти, отъ чистаго христіански-любящаго сердца, зная во 1-хъ, что какъ власть вообще, такъ и каждый изъ начальниковъ въ отдѣльности бываютъ по волѣ Божіей, а во 2-хъ, власти существуютъ для водворенія добрыхъ порядковъ и для наказанія злыхъ людей. Отсюда далѣе выводится необходимость взносовъ на содержаніе ихъ, ибо они, подобно Божіимъ слугамъ, занятые своимъ служеніемъ, не имѣютъ возможноети вести торговлю или заниматься какими-нибудь другими дѣлами, посредствомъ коихъ снискивается пропитаніе и вообще внѣшнее довольство. Какъ служба начальни-

ковъ бываетъ различна, такъ должны быть различны и взносы правительственные: подати, пошлины и т. под.

Всѣмъ властямъ должно повиноваться сердечно, а не по принужденію, и каждому должно оказывать подобающее вниманіе, уваженіе и почетъ, сообразно съ его саномъ и важностію!

Знаменательныя рѣчи св. апостола къ юной Римской церкви, до нынѣ имѣющей во власти камень преткновенія, уже давно имѣютъ соотвѣтственное имъ по знаменательности объясненіе. По слову св. Іоанна Златоуста „апостолъ чрезъ сіе желаетъ показать, что Христосъ ввелъ свои законы не для ниспроверженія гражданскаго устройства, но для исправленія и улучшенія онаго... И желая внушить, что заповѣдь его простирается не на однихъ мірскихъ людей, но на всѣхъ, на священниковъ и на монаховъ, объявляетъ о томъ напередъ, говоря такъ: всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется. Хотя бы ты былъ апостолъ, хотя бы евангелистъ, хотя бы пророкъ, хотя бы другой кто, повинуйся. Подчиненіе власти не подрываетъ благочестія. Первое основаніе такого установленія, удовлетворяющее разуму вѣрныхъ состоитъ въ томъ, что власти учреждены отъ Бога... Поелику равенство часто доводитъ до ссоръ, то Богъ установилъ многіе виды начальства и подчиненныхъ... И дивиться ли такому установленію, когда то же самое учредилъ Богъ въ тѣлѣ? Ибо Онъ такъ устроилъ, что не всѣ члены имѣютъ равное достоинство, но одинъ ниже, другой важнѣе, и одни управляютъ, другіе состоятъ подъ управленіемъ. То же самое замѣчаемъ у безсловесныхъ животныхъ: у пчелъ, у журавлей, въ стадахъ дикихъ овецъ... Но дабы не сказалъ кто изъ вѣрующихъ: ты насъ унижаешь и дѣлаешь презрѣнными, подчиняя (земнымъ) начальникамъ тѣхъ, кому представлено небесное царство,— апостолъ доказываетъ, что и въ настоящемъ случаѣ подчиняетъ ихъ не (земнымъ) начальникамъ, но опять

Богу. Впрочемъ Апостолъ не говоритъ сего прямо и такими словами: кто слушается начальства, тотъ повинуется Богу; но устрашаетъ противнымъ, и то же самое подтверждаетъ, сказавъ: кто не повинуется начальству, тотъ противится Богу, узаконившему начальства... Такими наставленіями Апостолъ и вѣрныхъ побуждаетъ къ повиновенію, и невѣрныхъ начальниковъ располагаетъ въ пользу христіанскаго благочестія. Тогда повсюду носилась молва, будто Апостолы мятежники и нововводители, которые словомъ и дѣломъ стараются подорвать общественные уставы... И такъ, не стыдись подчиненности, говоритъ Апостолъ. Этотъ законъ далъ Богъ, и грозно отмщаетъ презрителямъ онаго. Сіе то самое внушаетъ Апостолъ говоря: противляющіеся же, себѣ грѣхъ пріемлютъ"... Заключая же объясненіе этого отдѣла, св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ: „ежели Апостолъ такъ узаконилъ, когда начальниками были язычники, то кольми паче надлежитъ наблюдать сіе нынѣ, когда имѣемъ начальниковъ христіанъ. Ежели скажешь, что тебѣ самому ввѣрено больше, то знай, что еще не пришло твое время. Теперь ты странникъ и пришлецъ; а будетъ время, когда окажешься сильнѣе всѣхъ. Нынѣ жизнь твоя сокрыта со Христомъ въ Богѣ; когда же Христосъ явится, тогда и вы съ нимъ явитеся во славѣ (Кол. 3, 3, 4). И такъ, не ищи себѣ воздаянія во временной жизни; но если бы тебѣ нужно было предстать начальнику, не считай сего унижающимъ твое благородство. Ибо человѣкъ унижается не тѣмъ, что оказываетъ другому почтеніе, а тѣмъ, что не оказываетъ онаго. Да и начальникъ тебѣ же удивляться больше станетъ, и если бы даже онъ былъ невѣрный, прославитъ за то Бога". Достойно упомянуть, что по слову блаж. Ѳеодорита, Богъ даетъ начальниковъ почитающихъ справедливость и попускаетъ начальствовать злымъ начальникамъ, чтобы вразумить погрѣшающихъ. Ибо сказано: дамъ вамъ пастырей по сердцу Моему и упасутъ васъ разумомъ

(Іер. 3, 15) и: поставлю юноши князи ихъ, и ругатели будутъ господствовать ими (Ис. 3, 4). Объясняя стихъ 5, онъ пишетъ, что гнѣвомъ Апостолъ называетъ наказаніе. Подъ урокомъ же онъ разумѣетъ поземельную подать, а подъ данію—сборъ съ права торговли, пошлину.

Такимъ образомъ, кромѣ общей душевной преданности начальству, должно исполнять и разныя частныя постановленія, относящіяся до каждаго въ отдѣльности, при чемъ должно помнить, что чѣмъ сердечнѣе и любовнѣе будутъ наши отношенія къ начальникамъ, тѣмъ удобнѣе и ихъ сердца будутъ растворяться отъ теплоты и пламени любви, которой будутъ окружать ихъ. И вотъ бремя ихъ служенія станетъ для нихъ легко и пріятно и всѣ поживутъ въ мирѣ и тишинѣ, а отшедшихъ вспомянутъ предъ Промыслителемъ всѣхъ Богомъ и Спасителемъ нашимъ: да будетъ о нихъ вѣчная память во блаженномъ успеніи, а здравствующимъ многая лѣта, да тихое и безмолвное житіе поживутъ во благое общее спасеніе о Господѣ нашемъ. Аминь.

„Духовенство молчитъ".

Съ темной сѣдой старины по необъятымъ степямъ могучей рѣкой течетъ народная жизнь на Руси. Много рѣчекъ, рукавовъ, притоковъ, ручейковъ, слившись съ нею въ одно, катятъ свои волны по необъятному простору горъ и степей, отъ Кавказа до Алтая, отъ Амура до Днѣпра... Тихо катились струи великой русской рѣки послѣднія 25 лѣтъ. Точно любуются, смотрятся въ ея сонныя воды и деревни, и посады, и палаты и дворцы. Точно въ зеркалѣ водъ ея всѣ заснули, замерли, застыли... Много въ руслѣ рѣки образовалось пороговъ, разныхъ препонъ, и гдѣ то рѣка обмелѣла, гдѣ то ужъ очень въ сторону разлилась, гдѣ то бурлитъ водопадомъ... Но вотъ

съ боку послѣ грозной тучи на рѣкѣ съ ревомъ накинулся сторонній, забурлившій, потемнѣвшій послѣ бури потокъ. И грозно заспорили волны. Съ дикимъ ревомъ и пѣной сходятся волны потока съ рѣкой. Закипѣли, забурлили, заговорили притоки, рукава, волны рѣки, встревоженныя мутью странняго потока. Точно въ спорѣ хотятъ онѣ выйти, выскочить изъ родимыхъ береговъ.

Съ ревомъ лижутъ волны скаты береговъ рѣки, бьются объ нихъ, отлетаютъ какъ будто затѣмъ, чтобы, собравшись съ страшною новою силой, ударить, все разнести и умчаться стрѣлою въ мутную темную даль; разлившись, залить всѣ поля и сады, оросить благотворною влагой, чтобы послѣ бури и спора снова все зацвѣло, зажило новою полною жизнью подъ лучами вешняго солнца...

Такъ точно кипитъ, бурлитъ теперь народная жизнь на Руси. Тихо шла наша жизнь въ послѣднія 25 лѣтъ до 1904 г., когда война съ Японіей, точно ураганъ, ворвалась въ нашу жизнь, вихремъ пронеслась надъ ней, перевернула ее, заставила проснуться всѣхъ и... посинѣли, забурлили, заговорили волны великой русской рѣки.

Война обнаружила многіе неустои нашей общественной жизни, многіе недостатки, недочеты ея. Многое нужно подправить, иное создать. И вотъ надъ ремонтомъ нашего зданія общественной жизни задумались всѣ,—всѣ рѣшили, каждый во что гораздъ, перестраивать все по своему. Заговорили всѣ по своему, но заговорили дружно. Заговорили дворяне на дворянскихъ и земскихъ собраніяхъ; заговорили мѣщане, купцы, разночинцы, на банкетахъ, обѣдахъ и съѣздахъ; загалдѣли крестьяне на сходахъ, сознавая свою крѣпкую силу въ стадной массѣ, постоянно приговаривая: „міръ-великъ человѣкъ“: даже затараторили, какъ сороки, необразованныя бабы, хватая крылатыя слова другихъ попугаевъ.

Всѣ заговорили... лишь одно духовенство молчитъ.

Что же это значитъ?!

Или ты, какъ тысячелѣтній китайскій философъ, холодно, равнодушно смотришь съ высоты своего тысяче-

лѣтія на кипящую рядомъ съ тобою толпу, повторяя: „времена мѣняются, нравы проходятъ, но новаго нѣтъ ничего подъ луною“, и спокойно отходишь въ сторонку, не желая принимать участья въ жизненномъ спорѣ объ устояхъ земли?!

Или ты, какъ вѣрный слуга своего господина, вѣрный пастухъ его стада, терпѣливо ждешь, когда тебя спросятъ о стадѣ, боясь переступить порога господскаго дома, какъ бы другіе недобрые слуги его не сказали: „иди, простофиля, не здѣсь твое мѣсто“. И смирно, покорно отходя, ждешь ты своего добраго часа!..

Но нѣтъ, но спокойно, равнодушно, безучастно—философски смотрятъ духовные пастыри на стадо свое. Не въ сторонкѣ они отъ него остаются, а въ лицѣ своихъ вѣрныхъ сыновъ теперь душу кладутъ за стадо свое; міру являютъ они всю силу свою, то на поляхъ Тюренчена, какъ о. Стефанъ Щербаковскій, то предъ очами бездны морской, какъ о. Алексѣй съ „Рюрика“ или о. Рудневъ съ „Варяга“, то на манчжурскихъ поляхъ, какъ о. Ремезовъ, подъ градомъ пуль и огня на плечахъ своихъ выносящій раненыхъ страстотерпцевъ солдатъ, то какъ о. Курловъ, нашедшій могилу себѣ въ тифозномъ лазаретѣ, этотъ ангелъ—хранитель больныхъ, этотъ „воинъ Бога живаго“. Это тотъ, о которомъ свидѣтель его жизни и смерти (В. И. Немировичъ-Данченко) сказалъ: это праведникъ, ради котораго Господь простилъ и Содомъ, живи Курловъ въ тѣ времена подъ разгнѣванными и мстительными небесами. Вѣдь, именно такими, какъ онъ, держится „Красный Крестъ“. Но что сдѣлано, спрашиваетъ свидѣтель его жизни и дѣлъ, „для оставшейся безъ средствъ семьи о. Курлова, положившаго жизнь за всѣхъ насъ, болѣвшаго и страдавшаго съ нами, но несравненно болѣе,—потому что мы мучились каждый за себя, а онъ одинъ за всѣхъ“? (изъ корреспонденціи Немировича-Данченко).

И много другихъ такихъ изъ вѣрной дружины Христовой.

Сколько такихъ о. Курловыхъ разсѣяно по всей необъятой Руси, въ темныхъ „медвѣжьихъ углахъ“ безотвѣтно, безъ газетной трескучей славы несущихъ свой тяжелый подвигъ пастырства Христова, то работая безмездно въ школахъ на просвѣщеніе народа, то устраивая всевозможныя бесѣды и чтенія, то въ темную глухую полночь, во вьюгу, непогоду посѣщая умирающихъ, неся имъ съ собою слова утѣшенія и любви, подготовляя ихъ къ царству небесному чрезъ принятіе Св. Тайнъ. А сколько ихъ, этихъ Курловыхъ, часто погибаетъ при исполненіи своего святого долга, то замерзая, какъ это недавно было въ Фатежскомъ уѣздѣ, когда священникъ замерзъ во время мятели при возвращеніи отъ больного, (причемъ замерзшій найденъ въ молитвенномъ состояніи (№ 1 Церк. Вѣстн. 1905 г.), то простуживаясь и промокая до костей въ дождливую, сырую, грязную пору... И много умираетъ этихъ тружениковъ, какъ вѣрныхъ часовыхъ на своемъ посту, невѣдомо міру, безъ похвалъ, безъ славы земной, безъ видимаго величія всего ихъ великаго подвига!

Значитъ не безустною личною только жизнью живетъ духовенство, но и мучается, только безмолвно, одно за многихъ. Хорошо нашелся вѣрный свидѣтель (Немировичъ-Данченко), чисто безпримѣрно высокой души вѣрнаго пастыря стада своего (о. Курлова) и повѣдалъ о немъ холодному бездушному міру свѣтскихъ людей,—не то погибъ-бы герой (о. Курловъ) невѣдомый черствому міру, съ тоскою въ душѣ о непонявшемъ его стадѣ словесномъ, только съ твердою вѣрою въ награду свою тамъ, въ далекихъ небесахъ, въ обителяхъ Бога живого!

Если-же и нашелся среди духовныхъ Петербургскій Гапонъ, то это не ихъ, онъ не истинный сынъ духовенства; онъ—не его духа; онъ—чуждый пришлецъ, надѣвшій рясу на себя только для лучшаго достиженія своихъ мерзкихъ темныхъ дѣлъ. Своимъ бѣгствомъ изъ Петербурга онъ ясно доказалъ, что онъ даже не заблудившійся по неопытности, или по горячности, или по незнанію дѣла и ошибочности убѣжденій увлекшійся далеко за предѣлы закона и правды—безстрашный борецъ за идею.

Онъ просто—волкъ „въ овечьей шкурѣ“, ворвавшійся въ ограду стада Христова, въ темнотѣ переполошившій, перепортившій стадо и при первомъ крикѣ пастуховъ: „огня, огня“ отъ страха бѣжавшій безъ оглядки чрезъ заборъ въ чуждую далекую страну на вой другихъ такихъ же шакаловъ, какъ и самъ онъ...

Всѣ сословія отъ высшихъ до низшихъ громко говорятъ про теперешніе устои русской земли.

Лишь духовенство молчитъ, болѣя безмолвно о стадѣ своемъ.

Но что оно сдѣлаетъ и какъ ему говорить?! Трубить, трещать безъ дѣла и толка только ради того, чтобы не молчать,—не стоитъ, а если говорить, то такъ, чтобы можно было надѣяться на хорошій результатъ. Но какъ духовенству теперь говорить?!

Недавно былъ такой случай. Въ одномъ селѣ Балашовскаго уѣзда съ недобрыми мыслями задумали устроить недобрый банкетъ съ недобрыми рѣчами. Священникъ—пастырь, ревнитель о душахъ пасомыхъ, гдѣ можно увѣщевалъ, говорилъ... Пользы мало... Тогда онъ для пресѣченія зла сказалъ о предполагаемомъ банкетѣ законно власть имущимъ. Принятыми законно мѣрами во время банкета всѣ участники, кажется, были разогнаны; имъ предложено было разойтись. Участники, устроители банкета, якобы радѣтели народнаго блага, стали на „виду“, на „замѣчаніи“ у законной власти... Соблазнъ для невинныхъ душъ прихожанъ былъ пресѣченъ. Утѣшился ли добрый пастырь?! Да, но участники банкета его утѣшили по своему. Въ отмѣстку за неудавшуюся затѣю они подговорили толпу буйной молодежи прихожанъ, которая, когда однажды священникъ пришелъ въ храмъ, вывела его самого изъ храма, заперла церковь, говоря священнику: „не нуженъ намъ и ты и церковь“. Съ какими думами, съ какими чувствами въ душѣ шелъ изъ храма назадъ въ это время добрый пастырь, вѣрный пастухъ своего стада. Ищите попранныхъ правъ, судите виновныхъ, а смуту еще горшую заведутъ въ приходѣ затѣйники банкета и насильники правъ церкви и человѣка,

безпрерывно кричащіе: „свободы, свободы, полной свободы для всѣхъ"!..

Но, можетъ быть, это единичный случай тяжелаго положенія духовенства?!

Вообще то каково теперь положеніе духовенства?!

Какъ относится свѣтская печать къ духовенству?

Рѣдко съ уваженіемъ и безпристрастіемъ; проникнутая зачастую духомъ безрелигіозности, она обрушивается на духовенство, выставляя его сплошь и рядомъ въ самомъ смѣшномъ, непривлекательномъ видѣ.

Братская интеллигенція относится свысока къ духовенству, считая его невѣждою, коснымъ, малообразнымъ, недѣятельнымъ, предъявляя къ нему самыя высокія требованія и не замѣчая сквозь очки своей барской спеси и высокомѣрія всего того многаго прекраснаго, что творитъ духовенство для народа даже въ темныхъ „медвѣжьихъ углахъ", — не замѣчая всего того тяжелаго, истинно-трагическаго положенія, въ которомъ находится власть имущій вязать и рѣшить души пасомыхъ и принужденный всю жизнь переносить попреки за протянутую руку для полученія насущнаго хлѣба! Однимъ словомъ въ громадномъ большинствѣ, баринъ, если ему возвожно, смѣется надъ духовенствомъ и гнететъ его.

Безсильное духовенство подъ тяжестью этой только молчитъ.

Но вотъ поступаетъ пастырь съ „идеями" въ душѣ въ приходъ, въ село, желаетъ душу свою положить за паству свою, за благо ея, за храмъ мѣстный, — душу и сердце всей жизни его. Часто видитъ онъ, какъ темныя силы деревни, мѣстные пауки опутываютъ темный народъ, сплошь и рядомъ развращая его и безвѣріемъ и недоброю жизнью, развращающе дѣйствуя на него. И горе горшаго, если, какъ это и бываетъ въ большинствѣ случаевъ, подобный „благодѣтель" — и церковный староста. Тогда горе ревнителю-пастырю. Предъ нимъ будетъ диллема: или страшно мучиться, страдать душой при видѣ всѣхъ безобразій и нестроеній приходской жизни, при видѣ полнаго произвола въ церковномъ хозяйствѣ, при

сознанiи почти невозможности своими силами побороть все зло,—или вступить въ безпощадную борьбу. А попробуй онъ открыто бороться: всѣ темныя силы, вся муть со дна взбаломученнаго застоявшагося болота сельской жизни возстанутъ за своего „благодѣтеля". И другiе слабые. безвольные потянутся за ними, возстанутъ на пастыря, не вѣдая сами по своей темнотѣ, что творятъ.

Повидимому, буква писаннаго правового закона даетъ возможность пастырю бороться со зломъ, съ темными силами деревни и города въ подобныхъ случаяхъ. Но мертвая буква такъ и останется мертвой и, кромѣ Бога и совѣсти, ничто не дастъ пастырю живой крѣпкой силы для борьбы. Жизнь и окружающая обстановка и условiя ея даютъ свой приговоръ по дѣлу подобной борьбы. Несчастный пятакъ, получаемый пастыремъ съ протянутой рукой для своего пропитанiя, почти рѣшаетъ борьбу. „Благодѣтель" въ борьбѣ приметъ мѣры, чтобы скудный и безъ того, еще скуднѣе бы получался пастыремъ этотъ несчастный пятакъ. Полетятъ въ консисторiю доносы, жалобы, часто ложные и неосновательные. Какое дѣло до того „пауку"!? Ему бы лишь донять, если „не мытьемъ, такъ катаньемъ". Результатъ борьбы: судъ да дѣло, душевная борьба и туга, мнѣнiе начальства о священникѣ— „неуживчивый человѣкъ", скорбь семьи, оскудѣнiе пятака и злорадные насмѣшки деревенскаго „паука". И поникнетъ головою вѣрный пастырь, возложивши на Господа Бога всю печаль свою.

Если въ немъ есть еще силы для борьбы, то онъ уходитъ въ другой приходъ, разоренный своимъ переходомъ. Если ослабѣлъ духомъ, сраженный неправдою жизни и ударами борьбы, то останется на мѣстѣ, лишенный энергiи для жизненнаго спора съ темными силами, съ горькимъ сознанiемъ въ душѣ безплодности одинокой борьбы.

Сильно гнететъ духовенство мѣстный „кулакъ".

Гнетутъ духовенство и условiя существованiя. Много нуждъ, много платежей у мужика. За все онъ платитъ, всѣхъ содержитъ. Онъ—сила и оплотъ всей русской жизни.

Духовенство, живя всецѣло для духовныхъ нуждъ своего прихода, главнымъ образомъ, крестьянъ, служа всю свою жизнь для прихода, *принуждено* насущный кусокъ хлѣба получать непосредственно изъ первыхъ рукъ мужика. Приходится духовенству брать плату за всякую требу, начиная съ крестинъ и кончая похоронами, хотя часто эти платы буквально пятаковыя. Чрезъ это духовные въ глазахъ мужика—„грабители. Они съ живого, съ мертваго дерутъ“. Чрезъ это, въ большинствѣ, и бранятъ они духовенство. Страшно гнететъ духовенство это мнѣніе о немъ мужика. Вѣдь, прислугѣ мы платимъ жалованье и содержимъ ее. Духовенство, вѣдь, вѣрный слуга своего прихода, всѣхъ и каждаго въ его нуждахъ и день, и ночь, и ведро, и непогодъ. Почему же духовные, только получающіе за свои труды пропитаніе, „грабители“?! Богатыхъ то изъ нихъ, вѣдь, очень и очень мало. А если и есть у кого изъ духовныхъ средства, то, вѣдь, они наживаются, хотя и рѣдко, только хозяйствомъ. Почему же земскій докторъ, учитель, членъ земской управы, старшина, староста и другіе, получающіе жалованье изъ крестьянскихъ средствъ, только не изъ первыхъ рукъ,— не „грабители“?!...

Больно, тяжко больно и обидно подобное положеніе. Страшно гнететъ оно душу пастыря. Вѣдь это „китайская стѣна“ между паствой и пасомыми въ дѣлѣ взаимной любви.

Безсильное измѣнить положеніе, съ тяжкою болью въ душѣ терпѣливо молчитъ духовенство, ожидая своего добраго часа.

Но если къ этому присоединится еще какой-либо случай борьбы съ мѣстными темными силами, если бываетъ иногда какой-либо промахъ по службѣ, то горе ему. Сковывай тогда уста свои, налагай на нихъ печать молчанія и веди себя „тише воды, ниже травы“. Однимъ словомъ—„молчи“.

Въ своей жизни, въ своихъ правовыхъ отношеніяхъ, духовенство постоянно находится между молотомъ и наковальней. Повидимому, писанная буква предоставляетъ духовенству большія права, а жизнь ихъ превращаетъ ни во что, что особенно замѣтно при столкновеніяхъ съ темными силами прихода. Или еще: буква гласитъ не брать за таинство. Но если не брать, нечего будетъ ѣсть и вотъ жизнь дѣлаетъ свое: за труды по таинству св. причастія не берутъ, за бракъ, крещеніе и т. п. берутъ. А развѣ бракъ, крещеніе не таинства?

Писаные законы для духовенства, запрещая, кромѣ добровольнаго даянія (по нынѣшнимъ временамъ добровольно, „ничтоже сумняся“ да еще съ усмѣшкой, за свадьбу дадутъ гривенникъ), что-либо брать съ прихожанъ, безъ оклада постояннаго жалованья, даютъ, повидимому, духовенству большія права, чрезъ что поставляютъ православное духовенство въ положеніе „привеллегированныхъ нищихъ“.

Да и кѣмъ и чѣмъ состоитъ теперь духовенство при всѣхъ невзгодахъ своего существованія? Причтъ теперь и совершитель богослуженій, требъ, и учитель по школѣ, церковный проповѣдникъ, и учитель для народа (бесѣды народныя), и сборщикъ на всевозможные кружки, и статистъ (годовыя статистическія карточки, мѣсячныя— врачамъ, становому), и писецъ, ведущій обширное письмоводство, и насадитель (по идеѣ) образцоваго хозяйства.

И невольно вспоминаются горячія слова профессора Кіевской Академіи при проводахъ преосвященнаго Димитрія (нынѣ Казанскаго архіепископа) на Тамбовскую каѳедру: „Владыко, поддержите наше забитое и забытое духовенство“.

И вотъ при всемъ шумѣ теперь народной жизни на Руси и молчитъ забытое, забитое, униженное духовенство, въ тиши, творя свое пастырское дѣло...

И о духовенствѣ молчатъ.

Съ того времени, какъ Россія всколыхнулась подъ вѣяніемъ новыхъ будущихъ реформъ, о комъ и о чемъ только не заговорили при вопросахъ объ устояхъ русской

земли! Заговорили о крестьянской реформѣ—общинѣ, мелкой земской единицѣ, преобразованіи волостныхъ судовъ, мірскихъ сходовъ, расширеніи правъ земствъ, о правахъ печати, жизни рабочихъ классовъ, о правахъ евреевъ, раскольниковъ, о земскомъ соборѣ; въ воздухѣ громкимъ эхомъ проносится всюду: свобода религіи, свобода совѣсти (для сектантовъ и раскольниковъ точнѣе—не свобода совѣсти, а свобода пропаганды). Однимъ словомъ, о многомъ и очень о многихъ заговорили; и среди множества криковъ о народныхъ якобы нуждахъ никто не проронилъ даже и звука о положеніи русской православной церкви и русскаго православнаго духовенства! *).

Во всѣ комиссіи, подкомиссіи земскихъ и народныхъ дѣятелей по вопросамъ объ устояхъ земли выбирали всѣхъ, но духовенство обходили. Лишь въ самое недавное время въ комиссіи о вопросахъ печати слышимъ о представителяхъ духовенства, а прежде точно излишнимъ находили ихъ приглашать. Кричали о правахъ языческихъ жрецовъ, защищали ксендзовскую пропаганду, за раввиномъ признавали привеллегіи сана, но оставляли родное духовенство.

Упорно лишь молчали о положеніи православной церкви, о потребностяхъ ея представителей, упорно забывали въ дѣлѣ ломки устоевъ русской земли спросить мнѣніе тѣхъ, кто живетъ одною жизнью, однимъ дыханіемъ съ простымъ народомъ, якобы о благѣ котораго кричатъ его непризванные радѣтели.

Точно православная вѣра перестала быть творческою силою для всего уклада народной жизни, точно не съ ея точки зрѣнія нужно разсматривать всѣ предложенія и проэкты! Или русскій народъ совращенъ въ иную вѣру? Или православное духовенство и православное монашество потеряло уже значеніе дѣйствительныхъ пастырей народныхъ и незамѣнимыхъ выразителей дѣйствительныхъ народныхъ нуждъ и дѣйствительныхъ народныхъ желаній?!.. Почему же молчатъ о церкви и духовенствѣ?

---

*) Теперь уже, кажется, нѣтъ недостатка въ голосахъ, касающихся указаннаго вопроса.

О церкви молчатъ якобы радѣтели народнаго блага потому, что для нихъ народная вѣра—не предметъ благоговѣнія и не якорь спасенія во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, а только маскарадъ, которымъ они пользуются для прикрытія своихъ вредныхъ цѣлей. Они отлично понимаютъ, что доколѣ народъ хранитъ свою православную вѣру, великую творческую силу, источникъ самостоятельности и безконечнаго развитія и совершенствованія, пока чтитъ и вѣритъ своему духовенству, близкому, кровному, преданному всѣмъ народнымъ интересамъ,—до тѣхъ поръ народъ не будетъ слѣпымъ и послушнымъ рабомъ непризванныхъ радѣтелей, до тѣхъ поръ народъ будетъ страшенъ имъ, какъ сила, способная обойтись и безъ непрошенныхъ благодѣтелей.

Итакъ, низшее духовенство молчитъ... Между тѣмъ, толпа и народъ требуютъ твердаго голоса духовенства и винятъ его за молчаніе.

Константинъ Богоявленскій

(„Тамб. Епарх. Вѣд.").

Духовный обликъ нашихъ школьниковъ по воззрѣніямъ С. А. Рачинскаго.

Смиренно шествовалъ онъ трудною дорогой...
Стремясь къ слiянiю съ народною средой,
Онъ въ ней обрѣлъ живую вѣру въ Бога
И полный красоты церковный строй...

„Что значило то странное движеніе, овладѣвшее на время извѣстнымъ слоемъ нашей образованной молодежи, это хожденіе въ народъ, *коимъ не сумѣли овладѣть* [1]), которое сумѣли только осмѣять благонамѣренные люди, и коимъ воспользовались люди благонамѣренные?"—спрашиваетъ нашъ великій педагогъ-богатырь, С. А. Рачинскій, въ своей извѣстной книгѣ „Сельская школа".—Не темное ли, не искреннее ли стремленіе убѣ-

[1]) Курсивъ нашъ.

жать отъ условій разлагавшагося ложнаго общественнаго строя? Не жажда ли заправскаго безкорыстнаго труда, не полусознательная ли надежда обрѣсти въ средѣ грубой, но цѣльной—утраченную цѣльность мысли и духа?“ [2]).

Эти знаменательныя слова, глубокое жизненное значеніе коихъ еще долго будетъ непонятно огромному большинству нашей интеллигенціи, мятущейся подъ гнетомъ матеріальной культуры -- въ безплодномъ исканіи живаго Бога и правды Божіей, проливаютъ яркій свѣтъ на отношенія покойнаго педагога къ народу и его юнымъ представителямъ — дѣтямъ-школьникамъ. Какъ извѣстно— С. А. Рачинскаго причисляютъ къ сонму славянофиловъ, давшему родинѣ цѣлый рядъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей на поприщѣ науки, искусствъ и общественной дѣятельности, и до сихъ поръ далеко не утратившему свѣтлаго обаянія въ глазахъ истинно-образованнаго общества. Вспомнимъ хоть Аксакова, Хомякова, Достоевскаго, Кирѣевскихъ, Тютчева... Но это трафаретное причисленіе едва-ли отвѣчаетъ дѣйствительности.—Рачинскаго, этого высоко-просвѣщеннаго, глубоко-русскаго, истинно-православнаго, самоотверженнаго дѣятеля, создавшаго самую *жизненную*, въ смыслѣ непосредственнаго и широкаго удовлетворенія запросамъ жизни, школу, черпавшаго свой глубокій опытъ изъ самой дѣйствительности, едва-ли можно причислять къ какой-либо общественной группѣ, тѣмъ болѣе основанной на отвлеченныхъ началахъ. Для Рачинскаго тѣсны всякія партійныя рамки: онъ былъ самъ по себѣ „партія“, если можно такъ назвать глубокую жизненность его педагогическихъ взглядовъ и стремленій.

Несомнѣнно лишь то, что и самъ Рачинскій, до своей церковно-школьной дѣятельности, тяготился „условіями разлагавшагося ложнаго общественнаго строя“, возникшаго на западно-европейской почвѣ въ связи съ неблагопріятными условіями русской дореформенной жизни, и приведшаго въ концѣ-концовъ къ необузданному отри-

---

[2]) Сельская школа, стр. 274.

цанію всего родного даже подлинно-святого и прекраснаго. Чуткая православно-русская душа его жадно рвалась къ народу, къ его цѣльному, хотя и безсознательному, міропониманію, рвалась не для того, чтобы „обрѣсти утраченную цѣльность мысли и духа“, но чтобы углубить и укрѣпить непосредственнымъ общеніемъ съ народомъ свое чисто-русское, православно-религіозное отношеніе къ жизни въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Чрезъ прикосновеніе къ первобытной народно-религіозной почвѣ онъ почуялъ необычайныя силы духа, и для обѣихъ сторонъ это любовное сближеніе имѣло глубокія благодѣтельныя послѣдствія. И въ самомъ дѣлѣ съ первыхъ же шаговъ его ближайшаго знакомства съ народомъ, съ его цѣльнымъ религіозно-аскетическимъ укладомъ жизни, на него, европейски-образованнаго человѣка, вооруженнаго обширными и глубокими научными знаніями, повѣяло отъ народной души и жизни такой неувядаемой, чарующей красотой вѣры и духа, что онъ безъ малѣйшаго колебанія отдалъ народу всю свою жизнь, всѣ силы, всѣ знанія, показавъ намъ собою поучительнѣйшій примѣръ жизни во Христѣ, обнаруживъ предъ изумленными очами міра неисчерпаемое богатство русской души, понятой имъ съ ея лучшей стороны, въ лучшія мгновенія ея духовно-религіозной жизни.

Насколько это идейное служеніе народу отвѣчало стремленіямъ и духовнымъ чаяніямъ самаго Рачинскаго, насколько оно удовлетворяло его великое сердце, полное любви къ ближнимъ, можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ покойнаго церк.-шк. дѣятеля: „физическое утомленіе, неизбѣжное при напряженной работѣ въ многолюдной Татевской школѣ, съ избыткомъ вознаграждалось тѣмъ *душевнымъ отдыхомъ*, который *я нашелъ на склонѣ лѣтъ и силъ*, —такъ близко, такъ легко“... [3]). Такимъ образомъ, С. А. Рачинскій ясно и наглядно доказалъ на примѣрѣ собственной жизни великую христіанскую истину, высказанную девятнадцать вѣковъ тому

---

[3]) Сельская школа, стр. 27—28.

назадъ устами Богочеловѣка: онъ взялъ на себя *иго Христа*,—бросилъ профессорскую каѳедру, возложилъ на себя крестъ непосредственнаго служенія народу въ качествѣ церковно-школьнаго учителя и радостно, съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе убѣждался, что „иго Христово благо, и бремя Его легко есть"...

Понятно, поэтому, почему въ дѣтяхъ-школьникахъ умиляла его прежде всего цѣльность и нетронутость ихъ религіозной жизни, та „святая жажда вещей божественныхъ", которая, въ большей или меньшей мѣрѣ, присуща всему Русскому народу, этому *христіанскому* народу попреимуществу, въ особое провиденціальное назначеніе коего, Рачинскій глубоко вѣрилъ. Въ этой цѣльности и полнотѣ религіознаго сознанія великій педагогъ видѣлъ причину и залогъ духовнаго здоровья Русскаго народа, его будущее счастье—въ смыслѣ завѣтовъ евангельскихъ...

Начальная сельская школа, по взгляду Рачинскаго, „есть школа благочестія и добрыхъ нравовъ". И это онъ признавалъ не въ силу какихъ-либо теоретическихъ построеній, но единственно въ силу духовныхъ запросовъ и требованій настолько ясныхъ и сильныхъ, что не можетъ быть никакихъ сомнѣній въ ихъ подлинности и непреложности.

„Ученики въ этомъ отношеніи приносятъ съ собою въ школу нѣкоторый запасъ",—пишетъ Рачинскій:—„запасъ весьма неясный и неполный, но вполнѣ цѣнный и прочный. *Во всѣхъ насажденъ живой зародышъ благочестія: истинное благоговѣніе передъ еще невѣдомою святыней, глубокое уваженіе къ знанію вещей божественныхъ, живое чутье красоты внѣшнихъ символовъ богопочитанія*" [4]).

И немногіе умѣли такъ использовать эти сокровища души русскаго ребенка, какъ Рачинскій. У него *сами ученики просили дополненій на утреннихъ и вечернихъ молитвахъ*, которыя совершались ими съ рѣдкимъ и постояннымъ одушевленіемъ. По разсказамъ очевид-

[4]) Сельская школа, стр. 268.

цевъ, учителя—помощники Рачинскаго, имъ самимъ воспитанные, поражали глубиной и сердечностью своихъ толкованій Евангелія, Псалтири и другихъ священныхъ книгъ и пѣснопѣній. Несомнѣнно, глубоко-религіозное воодушевленіе самого Сергѣя Александровича передавалось и его питомцамъ; но этого не могло бы случиться, если бы сами школьники не стремились всей душой къ религіознымъ знаніямъ. Рачинскій лишь пробуждалъ и развивалъ въ дѣтяхъ-школьникахъ то, что давно зрѣло въ глубинѣ ихъ души и съ неудержимой силой рвалось наружу.

Искренняя, нелицемѣрная, глубокая религіозность въ духѣ св. Церкви православной была цѣлью и главнѣйшимъ девизомъ его церковно-школьной дѣятельности. Здѣсь онъ находилъ высшее утѣшеніе своей душѣ, неизсякаемый источникъ величавой поэзіи, высочайшее духовное наслажденіе. Вспомнимъ его дивный разсказъ: „Школьный походъ въ Нилову пустынь", его высоко-художественное, полное невыразимой, строго-величавой поэзіи, описаніе великопостнаго богослуженія въ Татевской церкви!..

Съ неменьшею силой проникновенія покойный педагогъ-подвижникъ отмѣтилъ и другія особенности русской народной школы, сложившіяся подъ непрестаннымъ и совершенно-законнымъ „давленіемъ снизу", со стороны взрослаго населенія деревни, кровно заинтересованнаго въ томъ, чему и какъ учатъ его дѣтей въ школѣ.

Прежде всего бросается въ глаза отмѣченная Рачинскимъ дѣловитость, выдержанность и серьезное, доброе бодрое и жизнерадостное отношеніе крестьянскихъ дѣтей къ школѣ и ученію.—„Школа, въ которой ограничиваются четырьмя—пятью часами занятій, признанными достаточными педагогической наукою, считается плохою школою",—говоритъ Рачинскій.— Это настойчиво обязываетъ нашу школу „къ увеличенію числа учебныхъ часовъ, и главнымъ двигателемъ тутъ являются сами ученики. *Они приносятъ съ собою пріобрѣтенное въ семьѣ чувство отвѣтственности за свои поступки, за свое время, сознаніе необходимости труда, напряженія*

своихъ силъ. Ихъ постоянное присутствіе въ школѣ, ихъ поистинѣ ненасытная жадность къ ученію волею-неволею заставляетъ всякаго внимательнаго учителя умножать число классныхъ занятій, въ особенности въ первой половинѣ зимы... Такое интенсивное ученіе не есть насиліе надъ дѣтьми, но уступка ихъ требованіямъ: они пришли учиться, и кромѣ школы дѣваться имъ некуда. Чтобы выжить ихъ изъ школы, буквально нужно погасить лампу" [5]).

„*Поручите мнѣ,*—сознается Рачинскій,—*при тѣхъ же условіяхъ столько же дѣтей того же возраста, самого тщательнаго воспитанія, изъ самыхъ лучшихъ семействъ—и я черезъ недѣлю сошелъ бы съ ума!*" [6]).

Эта удивительная работоспособность и дѣловитость, проникнутая такою бодростью и жизнерадостностью, не оставляетъ дѣтей-школьниковъ и въ дальнѣйшей ихъ жизни, когда они становятся, напримѣръ, учителями деревенскихъ школъ. Въ то время, какъ учителя изъ интеллигенціи въ большинствѣ только ноютъ и жалуются на свою судьбу, ожесточаются и хирѣютъ нравственно и физически,—учителя первой категоріи, молча и радостно, совершаютъ свое невидное дѣло, разнообразя его какимъ-либо ремесломъ или доступною отраслью хозяйства, и въ самомъ трудѣ находятъ обильный источникъ здоровыхъ наслажденій. Часто десятки лѣтъ тяжелаго школьнаго труда не въ силахъ поколебать ихъ душевнаго и физическаго здоровья, ослабить ихъ работоспособность, и они до самаго конца остаются равно жизнерадостными, просто и наивно-вѣрующими, людьми дѣла и труда... „Средній уровень способностей нашихъ крестьянскихъ дѣтей, какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ, вообще очень высокъ,—замѣчаетъ Рачинскій.—Способности эти разнообразны, но преобладаютъ замѣтно способности математическія и художественныя [7]). Это отчасти объясняется дѣловитостью нашихъ крестьянскихъ дѣтей, очень рано знакомящихся

---

[5]) Сельская школа, стр. 19.
[6]) Сельская школа, стр. 27—28.
[7]) Сельская школа, стр. 20.

съ практическою жизнью, а также и тѣмъ обстоятельствомъ, что они въ дошкольное время почти всецѣло находятся подъ вліяніемъ окружающей ихъ природы, и изъ близкаго съ нею соприкосновенія выносятъ множество яркихъ образовъ и впечатлѣній, которые просятся наружу... Достаточно вспомнить удивительно-образную рѣчь нашего простонародья, народныя пѣсни и обычаи и проч.

(„Божія Нива"). *С. Козубовскій.*

(Окончаніе слѣдуетъ).

Содержаніе № 16—17.

Редакторъ Каѳедральный Протоіерей Николай Диковскій.

Печатать разрѣшается. г. Гродна, 25 апрѣля 1905 года.
И. д. Цензора, Свящ. *Петръ Дедевичъ.* Гродн. Губ. Тип.